

По мотивам книги Ивана Акулова «Крещение»

Пьеса в семи картинах «Испытание огнём»

Татьяна Николаевна Кизим

Николай Охватов, Пётр Малков, Дед Михей, Елена Охватова, Ольга – невестка деда Михея, Старшина, Командир, Штабист, Историк, отец Малкова, Шура, медсестра в госпитале - Наталья

Солдаты: Урусов, Глушков, Батраков, Сарайкин, Филипенко, Коровин

1 картина

(Входят на сцену 2 рыбака с вёслами: Колька Охватов и Петька Малков)

Колька Охватов: Где же народ-то сегодня?

Петька Малков: Народ — кобылка. Ускакал, небось, на ипподром. Или на пожар.

Колька Охватов: А погоди-ка, я спрошу у мальцов. Вон. Под берегом с удочками. Эй, пацаны, стойте! (убегает за кулисы)

Петька Малков (сматывает удочки): Какой пожар?! В деревне тихо, одни комары звенят (отмахивается)

Колька Охватов (вбегает): Война, Петя! Пацаны сказали!!!

Петька Малков (падает): Корова в болоте утопла? Чего несешь?

Колька Охватов: Немцы, говорят, напали. Да что от пацанов узнаешь? Сами ни черта толком не знают. Пойдем скорее (собирает рыболовные принадлежности, суетится): Война. Конечно, война. В прошлом году, еще на приписке, майор прямо сказал: войны не миновать.

Петька Малков: А ты-то чего заплакал?

Колька Охватов: Да у меня вот он, срок службы. Заплакал уж!

Петька Малков: Дурак ты, Колун, дурак и есть! Да если и в самом деле война, все загремим. Чего уж там. Только боюсь, что опять выйдет как с белофиннами или самураями. Пока мы тут шаражимся, вздыхаем да охаем — там все и кончится.

Колька Охватов (обрадовано): Хорошо, если опять так-то! Дядя Михей давно говорил, что мы с немцами треснемся лбами. Кроушки, говорит, прольется — не одна наша любимая речка - Тура.

Петька Малков: Болтай, Колун! И говоришь-то по-бабски: кроушки. Вражью кровину рекой и надо пускать. Бери весла. Растерялся совсем.

(Из-за кулис входит дед): Наворожили, язвить вас, накликали: если завтра война, если завтра война!.. Вот тебе и война! Ваньку, внука, из солдат

ждал... Пропадет все пропадом! Ох, пионеры юные — головы чугунные, разнесет вас прахом германец.

Петька Малков: Ты, чё, дед Михей, белены с утра объелся?! Чего несёшь-то? Окстись!

(вбегает дочь его, Ольга): Тятенька!!! Не видите, окаянные, человек не в себе. Идите куда шли! Тятенька, поспать бы тебе. Что с тобой исделалось?

(утаскивает деда за собой в кулисы)

Петька Малков: Ведь ерунду кричал старикан, а на душе стало как-то неловко.

Колька Охватов: У каждого свое. Вчера, когда ехали на рыбалку, гребу и думаю: счастливый ты человек, Колька Охватов, — в цехе самостоятельную работу стали давать! На прошлой неделе получку принес — мать онемела от испугу: где взял такую кучу? А потом пошла да на радостях пуд гороху купила. Шурка узнала про получку. Узнала да и говорит: «Купи пуховый берет. Купи, может, и любить буду». И куплю. Хотя и без того ясно.

Петька Малков: Чего тебе ясно-то?

Колька Охватов: Лады у нас с ней.

Петька Малков: Иди ты! А про меня она говорила?

Колька Охватов: Говорила. Она о многих говорит. Для форсу. Для цены.

Петька Малков: Вот что, Коля, хоть ты мне и друг, но есть такое, что и между друзьями не делится. Понял?

Колька Охватов: Не вовсе.

Петька Малков: Я такой, Коля. Поперек встану — не перешагнешь. Да и не уж сам-то, Колун, не видишь, что ты же не пара ей. Ну не пара.

Колька Охватов: Ей виднее, раз тихих да ласковых любит...

Петька Малков: Всё! Хватит! Я сказал — баста! Теперь наши дороги расходятся! Прощай! (уходит за кулисы)

Голос из-за противоположной кулисы:

- Сынок! (вбегает мать Кольки): Ты где ходишь до сих пор?! Повестка тебе пришла, а я не стала тебя дожидаться дома, пошла искать... Вот.. Пойдём, вещи надо собрать тебе в дорогу.. Ну, а потом, куда все - во двор военкомата...

(заплакала, сын неуклюже ее обнимает, они уходят вместе)

(На сцену выносятся изгородь и лавка, появляется отец Петра Малкова с газетой, садится на лавку)

Отец: Петь, а Петь, спишь?

Петька Малков (из-за кулис): Спал, пока ты не спросил

Отец: Пока мы спим с тобой, дружок (дёрнул подтяжки), пока мы просыпаемся с тобой, дела-то керосином припахивают: Николаю повестка пришла!

Петька Малков(вбегают на сцену растрёпанный, торопливо заправляя рубаху в штаны): Ой, ты! Ну-ка! Ну-ка! Ну что же, поздравляю! А я сам завтра пойду в военкомат.

Отец(вскакивает): До окончания техникума тебе, дружок, нечего и думать об армии. Кто же будет срывать с учебы почти готового специалиста.

Петька Малков: Дайте мне право самому решать свою судьбу!

Отец: Не следует бросать учебу. Глупо и неразумно. Я все-таки более чем уверен, война не затянется. Мы научились громить врагов в коротких войнах. Хоть самураев, хоть финнов возьми. А теперь и немцев.

Петька Малков: Тем лучше. — Разобьем немцев, и я к осени вернусь домой. Тоже не думаю, чтоб мы с ними долго цацкались.

Отец: И все-таки война есть война...

Петька Малков: Я пошел. Думаю, мы друг друга поняли.

Отец (не пускает его): Нет, не поняли. Я больной, мать больная — берешь ты это в расчет?

Петька Малков: Я комсомолец, папа. Не отсиживаться же мне в такое-то время дома (отодвигает его) Отодвинься, батя! Мне пора!

Отец: Ну-ну, взрослые стали! Да делайте, что хотите!

(они расходятся в разные стороны, на сцену один за другим входят новобранцы под руку с девушками, рассаживаются на лавке, тихо переговариваясь)

Глушков: На душе, такое, будто все это последний раз вижу. А ведь все родное, все жалко. Людям бы в ноги поклонился. Мать рассказывает: прежде рекруты у всякого встречного прощенья просили...

Урусов: Что они прежде-то, людьми, что ли, были! Конечно, будешь прощаться, если гнали их, как баранов на убой. А теперь?

Батраков: Да с нашей техникой теперь не война, а прогулочка. Видел кинуху «Неустрасимые»?

Сарайкин: Ну, я видел!

Батраков: Чего же тогда сопли тут распустили? Посадят вас в танк — и пошел по вражьей земле. Сто лет воюй.

Филипенко: Ишь, ты! Сто лет (махнул рукой) Ладно. Поживем — увидим.

Коровин: А я не могу слезы матерей видеть. Совсем они потерялась, жалкие, обиженные какие-то... Как теперь они без нас-то будут? Старуху всяк обидит.

Мать Кольки Охватова (входит): Сынок! (зовёт, ищет) Кто видел мово Кольку? Куда-то ушёл и ушел, а я что хошь, то и думай. Весь город пьяным-пьян, а его нет. Сынок! (уходит)

1 Девушка: А чего это вы все приуныли?

2 Девушка: Рано ещё горевать!

3 Девушка: Давайте нормально проведём своих любимых, что бы помнили нас весёлыми и счастливыми!

(Отодвигается лавка, включается музыка «Рио-рита», все танцуют, в конце танца с разных сторон входят Охватов и его мать)

Мать Охватова (увидев сына, бросается к нему):

Сынок! Да где ж ты ходишь?! Ты, как ушел утресь, — (заплакала) — ушел, а Михей и говорит: смурый-де, Елена, твой Николай, ухлопают его в первом бою... Письма-то пиши!

Колька Охватов: Будет тебе убиваться, не хоронишь ведь?! Лучше сходи как-нибудь на Советскую, знаешь, где живет сапожник Пронякин?..

Мать Охватова: Одноглазый-то?

Колька Охватов: Да. В том же доме Шура Мурзина живет. Ты сходи к ней. Поговори.

Мать Охватова: О чем же, Колюшка?

Колька Охватов: Вообще поговори. Познакомься.

Мать Охватова: Схожу. А проводить-то тебя она уж не придет?

Колька Охватов: Отца у ней на войну берут. Он шофер, их вместе с машинами отправляют. Да ты не плачь.

Мать Охватова: Я не плачу. Не плачу, Колюшка! Может, она всё таки успеет? Не на танцы, небось, на войну уходишь...(плачет) (вбегает Шура)

Шура: Успела, думала всё, уйдёшь без меня! (Обнимает его) Ты там, без надобности, не гарцуй. Не один ведь, помни об этом. Ну, и пиши, хоть одно слово – живой...

Мать: Вот и ладно, вот и успела, всяко может быть на фронте. Сынок, дед Михей, слышь, как сказывал: чтоб не попасть, значит, под снаряд, надо прятаться в свежую воронку. Они, снаряды-то, не могут угодить место в место.

Колька Охватов: (обнимает Шуру) Это когда бьют из одного орудия. А ведь их не одно там будет... Ты мне тоже отвечай, не ленись! И не вздумай в армию идти, поняла!?

Мать Охватова: Верно, война – это не женское дело... Да, Петя без тебя заходил. Его тоже берут. Ума-то нет, так сам себе повестку исхлопотал. К самому большому начальнику, говорит, прошел... Ты, Колюшка, поближе к нему, к Петюшке-то. Видишь, какой он боевой-то!

Шура: Береги себя, Коленька! Я буду тебя ждать! Помни обо мне!

Командир (входит): Стройся! Десятая, пятнадцатая, семнадцатая!

Петька Малков (вбегает): Охватов! Колун! А я искал тебя. Здорово! Какая у тебя команда?.. Так и я в семнадцатой. Всех городских, видимо, в одну.

Командир: Строиться была команда, а они лясы точат. Становись!

Добровольцы! Сейчас вы разойдётесь по эшелонам и отправитесь на фронт, защищать самое дорогое, что у вас есть: мать, сестру, дочь, Родину!

Коварный враг бомбит Киев, Минск и рвётся к Москве! Но мы будем бить его смертным боем! Не пройдет и месяца, как мы развеем по полям Европы прах немецкой орды и скоро вернемся домой с победой... А если начнет тускнеть наше знамя, мы его окрасим своею кровью. Ура!

Все новобранцы: Ура!

Мать Охватава (бросилась к сыну): Всё теперь, всё теперь! Коля! (кричит) Возвращайся!

Шура: Береги себя!

Командир: По вагонам!

(провожающие кричат, хватают новобранцев за руки, звучит «Славянка», новобранцы выстраиваются и уходят со сцены, гаснет свет, слева загорается прожектор, за печатной машинкой склонился историк, он печатает и озвучивает текст)

1 Историк: В конце августа и начале сентября, в один из самых тяжелых периодов войны, все центральные газеты Советского Союза много и подробно писали о кровопролитных боях в районе Смоленска. После падения древнего города, который, как и в былые годы, называли воротами русской столицы, советские люди с напряженным вниманием следили за развернувшимся сражением под Ярцевом, Ельней и Рославлем, где на дальних подступах решалась судьба самой Москвы. Сообщение о том, что советские войска наголову разбили восемь немецких дивизий и взяли Ельню, было встречено с огромной радостью по всей стране. Это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, но и первый кусок земли во всей Европе, отвоеванный у гитлеровского вермахта.

2 картина

Включается свет. На лавке сидит Дед Михей, прикрывшись газетой; входят Ольга, Шура и Елена Охватова.

Елена: Дед Михей, какие новости?

Дед: Чур вас, девки! Придремал, думал, немцы. Потом слышу по разговору — наши. А то вот (распахнул ватник и показал штык)

Шура: Бросьте, дедушка, какие у нас немцы? Думаю, не дойдут они до нас.

Елена: Надеемся, во всяком случае.

Ольга: Тятя, шли бы вы домой, я посторожу за вас, а вы отдохните.

Дед: На том свете отдыхать будем. А немца здесь в Сибири не будет. Вот ещё дальше чуток пройдет. Верст, может, сто еще пройдет. Да, сто пройдет. А потом станет бежать. Уцепится за конский хвост и будет бежать.

Шура: Куда бежать-то будет, дед?

Дед: Бежать? А бежать он будет назад. Куда же еще?

Ольга: Да как вы все это знаете, тятя? Вот выдумщик!

Дед: Как знаю? Предел ему положен. Вот и знаю.

Елена: Кем положен?

Дед: Кто его знает кем?! Сверху. Положено было войне начаться — началась. Сколько надо, люди выбьют друг друга, и замирение выйдет. Наших больше побьют, наши и одолеют.

Шура: Вы, дедушка Михей, видать, библию читаете.

Дед: Читал, покуда внучок Ванятка, сынок ейный, не отнял: вредная-де книжка сказал, комсомолец, язви его душу!

Ольга: Да когда он успел только! В прошлом годе ушел служить на срочную, а тут война... Боюсь, что и не дождемся...

Дед: Ты, невестушка, может, и дождёшься, а я вот и не знаю..

Шура: Дождётесь и вы дедушка, ещё и на свадьбе его погуляем!

Ольга: Дай – то Бог, дай-то Бог...

Дед: Вот и я, верую в Христа и делаю, как он велит. Ежели я неправильно делаю — он скажет. Ольгушка, газетку свежую принесла? Почитай, что там?

Ольга (читает): Завершающий удар по противнику под Ельней был нанесен в ночь на 5 сентября. Под прикрытием темноты наши части внезапно обрушились на врага. Фашисты в панике побежали, оставляя окопы, бросая убитых и раненых, оружие, боеприпасы, снаряжение, автомашины и танки. В ходе боев наши бойцы, командиры и политработники проявили чудеса героизма и полностью разгромили ельнинскую группировку немецко-фашистских войск. Над Ельней снова взвился советский флаг!

Дед: Ну, погрела душу! Ну, а ты, Шурка, ждёшь сваво Охвата, пишет он али некогда?

Шура: А как же, дед Михей! И жду и пишет. Всем: и мне, и тёте Лене.

Дед: Во даёт, Охват! Видать и не воует, а токмо письма корявит?!

Елена: Да, что вы, дед Михей, в госпитале он лежал, вот и писал...

Ольга: А я вот тоже собралась в госпиталь, служить пойду!

Дед: Ты, что невестушка, белены объелась? А Ваньку ждять, кто будет?

Ольга: А воевать, кто будет?! В госпитале подожду (вырывается от деда)

Шура: Правильно, и я с вами. Папка там, и Коля (убегает, и все за ней)

2 Историк:

Контрнаступление Красной Армии под Москвой 5-6 декабря 1941 года развернулось в широкую полосу — от Калинина до Ельца. Стокилометровый марш по заснеженным дорогам Камская дивизия, в которой воевал Николай Охватов, совершила за двое суток, и утром 8 декабря была введена в прорыв правее Ельца для создания внутреннего фронта, который должен был принять на себя удар окруженных войск противника. Если войска северного и центрального участков западного направления готовились к наступлению при стабильной обороне, когда фашистские орды выдохлись и были остановлены, то на южном участке враг продолжал рваться на Задонск, Лебедянь и далее с целью глубокого обхода столицы с юга и изоляции ее от южного экономического района. Чтобы сорвать дальнейшее продвижение фашистов в глубь страны, командование Юго-Западного фронта приняло решение окружить елецкую группировку врага, ударом на северо-запад выйти в тыл 2-й танковой армии и оказать содействие армиям левого крыла Западного фронта в ее разгроме.

Операция требовала большого количества войск, а Юго-Западный фронт не располагал к этому времени свежими силами. Пришлось срочно создавать ударные группировки из фронтовых резервов и действующих соединений, которые мужественно сдерживали натиск фашистов восточнее Ельца.

3 картина

(слышен звук останавливающегося поезда)

Командир: Выходи строиться! Нам поставлена задача – здесь на этой станции окопаться, принять бой и не пропустить врага. Поэтому, чем глубже окоп, тем больше шансов выжить. Задача ясна? Боец Охватов! Сколько у винтовочного штыка граней?

Охватов: Не готов...

Командир: Отставить! Сразу видно, не службой живешь. Надо быть всегда готовым!

Глушков: Да и до службы ли сейчас, товарищ старший лейтенант. Вот дезертира кокнули на станции, так сказать при все людно, чтоб другим неповадно было, а из башки он не выходит. (все смеются)

Командир: Не выходит, говоришь? Боец Охватов?

Охватов: Не выходит, товарищ старшина.

Командир: А ну-ка, подошли все ко мне! Располагайтесь поудобней (распахнул планшетку и достал газетную вырезку).

То, что расстрел дезертира не дает вам покоя, — хорошо, товарищи бойцы. А вот хорошо ли вы понимаете, кому сослужил службу этот Плюснин? Он же продал всех нас фашистам, а среди вас — чего греха таить — есть и такие, что готовы поплакать над его могилой: человек все же. Да, товарищи бойцы, человек. Но друг он нам или враг? Идет битва не на жизнь, а на смерть: либо мы фашистов, либо фашисты нас. Убежал — помог фашистам. Вот теперь и судите сами, кто он, дезертир среди нас.

Урусов: Тов. старшина! Плюснин, перед тем, как сбежать, немецкую листовку прочёл, вот она: «Вы, русские, — храбрые воины, и мы уважаем вас, а потому советуем сложить оружие и вернуться к своим заводам и пашням. Свободные немцы хотят видеть свободными великий русский народ и его прекрасную Родину».

Командир: Кто ещё подобрал подобные листовки?

Батраков: Я! (читает): «Дикий фанатизм, с которым сопротивляются русские, очень дорого обойдется им. Мы все больше и больше ожесточаемся, и надеяться России решительно не на что: милость и великодушие, свойственные победителям, вряд ли заговорят в сердцах немецких солдат. Но это обстоятельство во многом и облегчит нам проведение и военных и административных мер на Востоке, так как каждый немец будет сознательным и стратегом и судьей в завоеванной России.

Сарайкин: А вот ещё! (читает): «Жестокость наших войск в России неизбежна и оправданна. Война для солдата — это время мужания и подвигов, и отныне доблесть вашу Германия измеряет количеством убитых русских».

Командир: Так! Кто разрешил подбирать эти фашистские листовки?

Глушков: Тов. Старшина! Так мы ж это только так, для курева, и всё!

Командир: Плюснин тоже на курево брал, а где он теперь?! Сдать мне все листовки, а я буду вам выдавать на привалах. (солдаты отдают листовки)

А сейчас получасовый перерыв для приема пищи и чтения писем. Получить паёк. Разойдись. (уходят Глушков и Батраков)

Охватов: Тов. старшина, можно отойду вон к тому дереву, хочу письмо в уединении прочесть.

Командир: Ты, вот что, Охватов. Держись ближе к ребятам. Не отбивайся в сторону. Всем, Охватов, в один кулак надо сжиматься. А теперь иди куда-нибудь со своим письмом за кусты. На полчаса. Но чтобы потом, — потом ты мне — пуля в пулю!

Охватов: Ясно, товарищ лейтенант!

(гаснет свет, загорается фонарь, высвечивая Шуру в солдатской форме на пеньке, звучит ее голос):

Здравствуй, мой родной! Как ты там? Как воюешь? Как здоровье? Мой папка уже отвоевался. Написали его однополчане после боя. Умирал он долго и мучительно, потому что ранение его было в живот. Но папка, даже не стонал, а уж когда, видно, совсем было не в состоянии, кусал себе пальцы, и все они у него были тоже забинтованы. Осиротели мы с мамочкой, и никогда нам не выплакать нашего горя. В городе много раненых. На Петю Устина пришла похоронка. На Калининском фронте убили моего дядю Арсентия и обоих его сыновей. Домой пришел без глаз Жора Скоморохов. На работе то у одной, то у другой, то у третьей убили, убили и убили. В очередях за хлебом только и разговоров о похоронках. Но, вам труднее, и мы будем крепиться. Мы с Клавой Пермитиной окончили школу медицинских сестер. Мне иной раз кажется, что в моем сердце так много тепла и любви, что я смогу одним вниманием и теплотой поставить на ноги самого безнадежного раненого. Милый Коля, может тебе всё это и не понравится, но по-другому я не могу. Может, это моя судьба, и мне легче станет ждать тебя в армии. Я жду тебя и дождусь. Это у других убивают, а тебя не убьют. Вот тут, где моя подпись, я поцеловала листок, поцелуй и ты. О нас не беспокойся. Целуем тебя тысячу раз».

(Полный свет, слышна наплывами канонада)

Командир: — Товарищи бойцы, наша Родина находится в смертельной опасности. Отечество на грани гибели, и спасти его должны мы — ты и я. Занять позиции! Карту мне! Мы к рассвету должны быть в Брянске.

(вбегает Коровин): Тов. Командир! Передали по сводкам, что Брянск сдали. Немец к утру будет здесь... Не по Брянской стороне, так с Ельни...

Филипенко: — Воздух! (звук бомбового удара, все падают, снова канонада боя)

Коровин (глядя в небо): Наши идут! (звук самолётов)

Филипенко: С бомбежки! Дали фрицу! Вот же дали!

Глушков (вбегает): Тов. Командир! Первый на проводе! (командир уходит, с Глушковым)

Вбегает штабист: Где командир? Почему вы перестали стрелять? (вбегает командир)

Да я тебя, подполковник, сейчас же прикажу расстрелять за такое командование! За твоей спиной Родина, а ты лезешь в подвал! Немцы-то, черт побери, не вас бомбят! Станцию. Стыдно, подполковник! Стыдно перед бойцами! Почему не стреляете?!

Командир: Виноваты, товарищ генерал!

Штабист: Прикажите людям занять позиции и стреляйте каждого, каждого, кто не только побежит, а оглянется назад! Ясно?

Командир: Так точно!

Штабист: Чего ты прижался своим задом к самому городу? Или вы думаете, здесь под юбками вас спрячут бабы? В поле! В открытом поле ищи врага. Черт возьми, немцы бомбят станцию, а полк из-за головотяпства своего командира несет потери! Сами лезете под бомбы! Олухи! Приказываю: снимите полк и шагом марш на сближение с немцем. Каждый шаг своей земли придется потом брать кровью. Зачем же отдавать ее без боя? Разве это так трудно понять, подполковник? (снова канонада) Держать оборону! (убегает)

Голос Глушкова: Командира сюда! (командир снова убегает)

Старшина: Сарайкин, Урусов!..В разведку! Скатывайтесь книзу, к насыпи. Слышишь? К насыпи давайте. Вниз!

Урусов: Слышу, товарищ старшина.

Филипенко: Давай, не тяни! Вперед! Батракова возьмите (Урусов и Батраков убегают)

Малков: Охватов! Возьмите гранаты! На вот тебе. На. Да бери! У меня еще одна. Пошли, ребята к насыпи. Нам теперь не страшно. Видел, как они сматываются? (убегают за кулисы) Гады! (голос за кулисами, потом взрыв)

Охватов (за кулисами кричит): Батракова убило. (вбегает) Вот так я лежал, а вот так он. Миной тюкнуло — только мозги брызнули.

Глушков(встаёт во весь рост): Врешь ведь! Врешь! Я только что отдал ему свой табак. У него мешочек резиновый был. Не промокнет.

Старшина: Отставить перепалку!

Коровин: Да когда его убило?! Где убило, а?

Глушков: Мой табак у него. Я сбегаю.

Малков: Какого ты рожна, Глушков, врешь? Тебе же не табак нужен.

Глушков: А кто ты такой, что нами командуешь?! Ты что, больше нас понимаешь, да? Вся рота осталась позади, а мы — вперед. Так, выходит? (наскокивает на Филипенко).

Старшина: Да я вас под трибунал! Отставить!

Филипенко: Слова словами, Глушков! Я их слышал, а может, и не слышал, но если хоть на шаг отстанешь... Я тебя сам пристрелю!

Командир (вбегает): Отставить! Это что за комедь? Что это за комедь? Филипенко, язви тебя!

Филипенко: Да вот, товарищ подполковник, убило у нас... Батракова.

Командир: Ах, молодежь, молодежь! Ну, в ад или в рай собрались, а? Молчите. А батальон ждет вас. И полк ждет. Воевать надо! Да не уж то, Филипенко, во всем твоём взводе не нашлось ни одного боевого парня, который пуганул бы этого фрица, который один положил вас в канаву? Ведь стреляет-то только один. В ракетнике он. Слышите: то из автомата пультет, то из пулемета. Немец, брат, воевать страшно дошлый. Всю свою историю войнами живет. От мосточка жиганите из пулемета по ракетнику — и на ту сторону все разом. Судя по всему, у них тут силенки тоже кот наплакал. Так бы он вас и подпустил к самой деревне, если бы у него заглашник покрепче был! Старшина, подберите добровольцев!

Малков: Разрешите, товарищ старшина, я жигану?!

Старшина: Малков?

Малков: Так точно.

Старшина: Давай, Малков! Полосни весь диск. Только возьми помощника.

Охватов: Я с ним (убегают).

(канонада)

Командир: Сдай назад! Ложись! Одной миной всех подшибет.

(канонада)

Охватов (за кулисами): Малкова убило! Петьку убило!

(Вбегает Урусов): Немцы в распадке!

Командир: Много их?

Урусов: Должно, много, товарищ майор! В деревне машины. Мотоциклы. Зашевелились, товарищ подполковник! Забегали...

Командир: Зашевелились, говоришь?

Урусов: Так точно, товарищ подполковник!

Командир: Вот и давайте пощупаем их. Огонь! (Урусов убегает, взрыв)

Филипенко(бросается за кулисы): Урусова убило! Охватава ранило! Всё! Отбились! Уходят немцы! Так вам! Гады!!! Санитара!

Коровин: Филипенко, вернись! Хватит! Остановись! Пока передых! Гляди, немец к утру беспрерывно танками двинет. Голые мы против него.

Командир: Испугался, что ли? (садится на пенёк)

Коровин (собирает оружие): А мне чего бояться? Дитя б я был — может, и забоялся. А так что. Зазря гибнуть обидно. Хотя жизнь моя в такой массе народу что значит?

Старшина: А о смерти-то все-таки думаешь?

Коровин: Некогда, товарищ старшина.

Старшина: Как думаешь, чем это все кончится?

Коровин: Побьет нас к утру немец — вот и конец.

Командир: Ты об этом уже говорил, Коровин.

Коровин: Так ведь вы спрашиваете — я и отвечаю.

Старшина: Мы, Коровин, за всю Россию спрашиваем.

Коровин: За Россию-то, товарищ старшина, может, и Христос бы ничего не нашел сказать, потому как она родилась раньше Христа, Россия-то. Ведь это такой размах.

Командир: А себя, выходит, ты уже списал окончательно?

Коровин: Списал, товарищ подполковник. Списал, как повесточку из военкомата получил. А на что ж нашему брату рассчитывать? Крестьянину. Грамотный или рабочий, скажем, он где-то около машин, на второй линии. И их бьют, не без того. А уж наше дело — в обнимочку с винтовкой и без зацепки до самой передовой. Никакого умения, ремесла в руках — один счет тебе: активный штык.

Командир: Все так, Коровин. Все так. Но списывать себя до времени не годится. На активном штыке сейчас все держится. А ты говоришь: списал себя, конец к утру. Это - просто трусость.

Коровин: Человек, товарищ командир, никогда не знает себя до самого доньшка. Хоть и меня взять. Может, я храбрый, а может, и трус. Вот век свой проживаю и не знаю, кто же я. Может, ваша правда: трус я, коли умер раньше смерти.

Старшина: Коровин! Подъём! Меняем позицию! Быстро!

Командир: Старшина! Раненых отправить в тыл, убитых похоронить!

Старшина: Слушаюсь, товарищ командир! Коровин, за мной!

(уходят, гаснет свет, включается фонарь, на сцене – историк)

3 Историк:

События на большом участке фронта от Старой Руссы до Конотопа развивались с невиданной быстротой. Нередко в бой втягивались наши части совсем непредвиденно, с марша, с колес железнодорожных составов. Третьего октября пал Орел, и к исходу следующего дня над Брянском и оборонявшими его войсками нависла прямая угроза окружения. Немецкие танки уже показались в окрестностях Навли и Дятькова на Вяземской ветке, а по железной дороге Сухиничи — Брянск все еще полным ходом шли эшелоны, набитые слабо вооруженными, а порой просто безоружными войсками. Ни командиры, ни тем более бойцы, едущие к фронту, не знали, что пункты, где им приказано выгрузиться и где они должны экипироваться, уже захвачены немцами.

4-я картина (госпиталь)

(включается свет, на сцене больничная кровать, на ней лежит Николай Охватов, он бредит, входит Ольга, поправляет подушку, оттирает лоб)

Ольга: Никак не приходит в сознание. А такой молодой. Где-то и мой сынок Ванюшка, может так же мается в госпитале, а может уже и отмаялся (плачет), да и от Ивана Михеевича моего давно нет вестей. Последнее письмо было в конце ноября из-под Каширы, а теперь там по последним сводкам - немец хозяйничает.

Охватов (поднимается): Вперёд! За Родину! В атаку! Переправляемся! Назад! Немцы кроют огнём! Назад!

Ольга: Тише, милый, тише! Не рвись так! Пойду за уколами, совсем ему худо!

(уходит, слышно звук канонады, на сцену вбегают актёры, идёт инсценировка «Переправа»)

(Входит Ольга, в руках у неё шприц, за ней входит Наталья)

Наталья: Ольга Ивановна! Давайте подмену, вы уже третьи сутки дежурите!

Ольга: Да разве о собственном здоровье думать надо, а? Родина в опасности, враг под Москвой, солдаты отчаянно сопротивляются, мы несем огромные жертвы! Каждый день десятками хороним умерших от ран... Я уже устала быть в глубоком тылу, буду проситься на передовую.

Наталья: И всё равно, я настаиваю, Ольга Ивановна, поспите хоть часика два...

Ольга: А знаешь, хорошо, что он без сознания, на его имя ведь похоронка пришла...

Наталья: На кого?!

Ольга: Не на него, на жену его, на Шуру... Я ведь знала её, мы все из одного местечка... Вместе и на фронт решили уйти. Жалко, такие молодые... Сначала отца её убило, почти в самом начале войны, даже повоевать не успел..

Наталья: А сколько их погибло под бомбёжками?! Их никто не считал.. У меня одноклассники даже не дошли до места назначения, их эшелон разбомбило и все погибли, представляете, все! Теперь в нашем классе нет мальчиков... (плачет, Ольга её обнимает)

Ольга: Это очень тяжело! Да, ну, а Шура успела повоевать, а теперь и её саму... (смахивает слёзы)

Наталья: Да, война – самое жестокое, что могло придумать человечество! Только до сих пор не верится, что это происходит с нами...

Ольга: Да, ты права. Как будто всё это – кошмарный сон... И самое страшное то, что весь этот ужас, что творится вокруг нас, никому не подвластен. Какая-то страшная убийственная машина раскручивает и раскручивает своё колесо... Это происходит сейчас с нами, и мы ничего не можем с этим

поделать, а только отдать свои жизни за Родину! Поэтому, я твёрдо решила проситься на передовую.

Наталья: Знаете, Ольга Ивановна, судя по последним сводкам, и по тому количеству раненых, которые не перестают поступать к нам, мне кажется, что мы сами скоро станем передовой. Идите, отдохните, а я подежурю!

(гаснет свет, на сцене – историк)

4 Историк:

Советские войска в конце мая 1942 года под Харьковом оказались в тяжелом положении и вынуждены были перейти к обороне на случайные, неподготовленные позиции. Подвижные части немцев легко сминали оборонительные рубежи русских, отрезали их от тылов и в ночь на двадцать третье мая окончательно подрубили весь барвенковский выступ, перекрыв нашим войскам путь отхода за Северский Донец.

Одновременно с наступлением в районе барвенковского плацдарма противник усилил удары северо-восточнее Харькова, на волчанском направлении, и здесь остановил наши войска. Успешно начавшаяся в районе Харькова наступательная операция советских войск, закончилась тяжелым поражением для армий Южного и Юго-Западного фронтов.

Ликвидировав барвенковский выступ, гитлеровцы, окрыленные успехами в Крыму и под Харьковом, значительно улучшили свое оперативное положение и заняли выгодные исходные позиции для дальнейшего продвижения на восток.

5-ая картина

(звук поезда, включатся свет, у плетня сидит Дед Михай, к нему подходит Елена Охватова)

Дед (читает вслух письмо):

«Дорогие сродственники Ивана Михеевича Мохрина, папаша с мамашей и жена его Ольга, вчера мы ходили в горячий бой, и сын ваш геройски пал. Меня ранило, а его смертельно убило. Пришли санитары, а у него вся грудь порешена. О чем и хотел сообщить вам. Еще бы писал, да дюже болит моя рука. С бойцовским приветом к вам бронебойщик Матвей Загульников из госпиталя».

(Елена опускается на лавку, она тоже держит в руке треугольник)

Елена: Михай Егорович, когда получил это похоронку?

Дед: Да на прошлой неделе ещё... Вот, припечатали, так припечатали, внучок мой теперь осиротел.. А я всё жду вот на станции. Может и не правда в письме... Германец скрозь Рассею взял.

Елена: Что вы, дедушка, что вы! Не возьмёт он нас никогда! Что ж, даром, что ли сколько наших мужей да сыновей поранено да побито?!

Дед: Письмо, небось от Николая снова получила?

Елена: Письмо, Михай Егорович. Письмо. Это только подумать!..

Дед: Что же он? Как?

Елена: Да раненый он опять.

Дед: Так это уж знаю.

Елена: Дак третий раз уже. Голова у меня, Михай Егорович, совсем, сказать, идет кругом. Ведь четвертый месяц пошел, как он лежит в этой самой Семипалате. Это какое же его ранение?

Дед: Он писал тебе, что ранен в ноги. Кости, надо быть, задело. Помается. И об этом уж я говорил тебе.

Елена: Учусь ходить, пишет.

Дед: Может, там и ходить-то не на чем. Вот и учится на каталочке.

Елена: Да в уме ты, милостивец?

Дед: В уме, в уме, да не то сказал. Не то. На подпорочках, на костыликах враз не побежишь.

Елена: Не побежишь. Опоясал ты меня ровно, Михай Егорович. Мне и в голову такое-то не приходило. А ну, как на самом деле?

Дед: Ты радуйся, что живой остался.

Елена: Радуюсь! Он вот какой стал. Он вот какой стал, будто уж чужой совсем. Особенно после смерти Шуры. Он ведь так её ругал в письмах, что на

фронт пошла, так ругал, как чувствовал, что добром всё это не кончится.. Нет чтобы написать матери все. Уж какой месяц пошел...Проклятый немец!

Дед: Он, немец, Елена, как на свет народился, так и думать зачал, как это прибрать под себя все государства. И прибрал.

Елена: А мы-то что же?

Дед: Твоего окалечили, а моего совсем ухлопали. Так и у других. Выстегал нас немец.

Елена: Выстегал. С кем ни поговоришь, у того и похоронка дома...Ой, засиделась я, а мне же магазин записать. Побежала! (уходит)

Дед (вслед): Кланяйся от меня Николке!

5 Историк: Немцы, наращивая атаки на подступах к Дону, на северном крыле своей наступающей группировки ввели в бой две танковые дивизии и моторизованную дивизию СС «Великая Германия», которая наносила главный удар через Мигуново, Лапы и Крутое на Землянск и Воронеж. Беря во внимание, что оборона русских была взломана на всю глубину, немцы, безусловно, рассчитывали оставшиеся какие-то шестьдесят километров до Дона преодолеть одним броском. Всю силу этого мощного бронированного клина должны были принять на себя оборонявшая Мигуново бригада морской пехоты, только что прибывшая на передовую, все еще сравнительно уцелевшая Камская дивизия и другие разрозненные части Ударной армии. Поддерживали их недоукомплектованный танковый корпус, три полка противотанковой артиллерии и несколько дивизионов «катюш».

6-ая картина

Командир (входит на сцену, сзади Старшина и Ольга несут раненного Сарайкина, за ними идут Глушков и Урусов):

Старшина! Бери бойцов и займись обороной. Час сроку, чтоб восстановить окопы. В полный рост чтобы были.

Старшина: Тов. командир, хотел сказать...

Командир: Иди, иди, жив будешь, поговорим...(уходит)

Ольга: Тов. командир, вы ранены!

Командир: Пустяки, занимайтесь солдатами, им нужнее (сел на пенёк, достал карту) Всё ещё пьем чашу крестных мук. Ястребовка уже взята немцами.

Ольга: Поругайся, покричи, миленький — тут все свои. Как же я с ними, товарищ командир? Много тяжелых.

Командир: Кто может, пусть уходят в тыл. Тяжелых заберем при отходе.

Ольга: Что происходит? Никто ничего не говорит.

Командир: Верно ты говоришь, ничего не сказал. Горько на сердце — вот и сказ весь. Не первый день воюешь, чувствовать должна: в мешок немец взял, видать, всю армию, а вот затянул ли устье — этого не скажу.

Ольга: Может, и нам сняться? Мы на макушке.

Командир: Приказа не было. Будем держаться здесь до смерти.

Ольга: А с кем держаться? Все, кто ушли, не вернулись... Филипенка нет, Коровина вчера убило, Малкова, Батракова еще раньше, Охватов не выйдет из госпиталя... Вот и Сарайкин не жилец...

(вбегают солдаты, Глушков и Урусов)

Глушков: Старшину убило! Отвоевался!

Ольга: О Господи!!! Теперь и этот...

Глушков: Будем немца здесь ждать?

Урусов: Устье немец не завяжет — не прошлый год.

Командир: И на том спасибо, товарищи бойцы.

Урусов: Какое уж там спасибо. За что спасибо-то?

Командир: Что понимаете всё без команды. Да я вообще. Рад я, что вы живы. Воздух! (все упали, Ольга накрывает собой раненого бойца, автоматная очередь)

Глушков: Все небо под себя подгрести, гады.

Урусов: Если бы только б небо. И землю.

Командир: Да пусть хапает. Землей и обожрется. Кутузов землей же француза обкормил. У каждого народа своё — у нас земля. Дать ему, чтоб заглотнул, а не проглотил. Вот и пусть заглотнет.

Урусов: Заглотнул уж, пожалуй.

Глушков: А что это Ольга наша притихла, неужели... (подходит к раненному и медсестре) Они погибли... Одной очередью скосило... (все встают и снимают каски, гаснет свет)

Историк 6: Из письма начальника штаба группы армий «Б» генерала Зонденшерна Францу Гальдеру, начальнику штаба сухопутных войск вермахта.

«Горшечное. 3 июля 1942 года.

Дорогой Франц!

Наш выход к Дону вряд ли можно назвать победой в лучшем понимании. Последние бои мы вели на равнинных просторах, где есть неограниченные возможности применять подвижные войска, чего мы так заветно ждали, но русские учли уроки прошлого и изменили свою тактику. Для них стало важнее сохранить войска, чем оборонять каждую пядь земли. Но так как темпы нашего продвижения оставались сравнительно высокими, русским не удавалось полностью оторваться от преследования; мы вели непрерывные фронтальные бои, в которых, разумеется, понесли невероятные потери. Фюрер требует от нас успешных ударов на юг, но мы не можем этого сделать — мы поставим перед гибелью все свои силы! Ты, Франц, должен убедить фюрера, что надо взять Воронеж и стать в жесткую оборону, чтобы надежно прикрыть действия Паулюса. Сами мы без дополнительных войск и техники наступать на юг не в силах».

7 - ая картина

(звук поезда, дед встает, идёт по направлению к авансцене, из другой кулисы выходит с палочкой, оглядываясь и хромая, Шура)

Дед (кричит): Кто здесь? Ты, девка? Или Колька?

Шура: Дедушка Мохрин, испугал ты меня.

Дед: Да кто же это? Не признаю чего-то. Колька, дак опять не Колька.

Шура: Ну, какой Колька! Шура я, дочь Михаила Мурзина.

Дед: Лександра, что ли? Женка Охватова?

Дед: Я самая, дедушка. Александра.

Дед: Лександра, Лександра... Откуда же ты, Лександрушка? Ведь тут слух был, будто убили тебя.

Шура: Убивали, дедушка, да не до конца, ожила.

Дед: А моего с концом припечатали... И сноха там уже! И внучок пропал... А может, возьмет да так же и объявится? А?

Шура: Объявится, дедушка. Убивают далеко не всех.

Дед: Не всех?

Шура: Не всех.

Дед: Ну да, ты же вот ожила! Может, и мои! Ну, дай тебе господь здоровья. Ты бы зашла в тепло.

Шура: Посижу здесь. Спасибо.

Дед: А теперь-то ты как, по ранению же?

Шура: Нога у меня отнимается после ранения, списали.

Дед: Ноги ежели, дак это, не доведи господь, хуже всякого ранению. А Елена, Колькина-то матерь, тоже своо ждет, наверное без ноги будет. (Шура встает с лавки) Не признаётся он.. А я чую... Сулился вроде домой.

Шура: Без ноги? (садится на лавку)

Дед: Да кто ж его знает? Не сообщает точно.

Шура: Но живой? Значит он, Николай-то, живой?

Дед: Живой, а там кто знает, Ляксандрушка, как и что - не пишет. В госпитале он теперь, и лечат его, да никак, видно, не могут вылечить.

Шура (кричит): Живой! Значит, вылечат! Значит, теперь с победой дождёмся своего героя! Пойду я, дедушка Михей, своих обрадую. А ты заходи к нам в гости.

Дед: Всенепременно, Ляксандра! (кланяется) Может, и я дождусь своих героев!

Историк (выходит на середину сцены):

Немцы медленно, но уверенно, откатывались на Запад в своё фашистское логово. До конца войны было ещё далеко, ещё будет Ленинград, Курск, Севастополь, Сталинград, Берлин, но уже никто не сомневался в победе Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками. Победа была за нами!

(Включается полный свет. На сцене – актеры из «Переправы»):

Салют над нами – Победы громы!

И вновь весна и пахнет мятой,

Но боль лежит за каждым домом,

В последний бой, где шли солдаты.

Там вишней расцвели и кровь, и слёзы,

И гроздьями рябин печаль в полнеба.

И бьются на ветру мои берёзы полвека...

Это был? А, может, небыль?

Тучи - в пепел, небо – в клочья,

И свинцовая стена...

Похоронку этой ночью

Получила тишина...

Получили перелески,

И затоны у реки.

В утреннем багровом блеске

Шли вперёд врагов штыки.

И на все четыре года

Мирной радостной страны,

Чёрной шалью небосвода

Затянулся день войны.

Это страшное начало

Нам гвоздём в сердца впилося...

В зареве багрово-алом

Искупаться всем пришлось.

Я земли коснусь рукою,

Чтоб разгладить след морщин

От окопов. Пусть былое

Не добавит нам седин.

Но берёзы снова плачут,

Снова бьются на ветру...

Это – память! А иначе

Нам её враги сотрут...

(звучит метроном, на сцену выходят остальные участники спектакля)

Звучит песня «От героев былых времён»

